

ІСТОРІЯ. ПОЛІТИКА. ВЛАДА

УДК 94:930.25]:323.281(470+571)

© РАМАЗАШВИЛИ Георгій

Независимый исследователь, историк, Тбилиси, Грузия (georgiy212dbap@gmail.com)

© РАМАЗАШВИЛИ Георгій

Незалежний дослідник, історик, Тбілісі, Грузія (georgiy212dbap@gmail.com)

© RAMAZASHVILI Georgiy

Independent researcher, historian, Tbilisi, Georgia (georgiy212dbap@gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1516-3756>

Бібліографічний опис статті: Ramazashvili, G (2021). Zachem rossiyskiye istoriki privetstvuyut presledovaniye kolleg i podderzhivayut massovoye ogranicheniye dostupa k arkhivnym istochnikam?! [Why Russian historians endorse persecutions of their colleagues and support wide restrictions in an access to archival sources?!]. *Svit Clio* [Clio World], 4(3-4), 112-126. [in Russian].

ЗАЧЕМ РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ ПРИВЕТСТВУЮТ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕГ И ПОДДЕРЖИВАЮТ МАССОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ДОСТУПА К АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ?!*

* Окончание статьи. Начало в предыдущем номере журнала.

Аннотация. В оценке открытости российских архивов для исследователей политическая воля властей зачастую воспринимается как решающее обстоятельство, влияющее на доступ к документам. В то же время позиция историков, как и общественных деятелей, способных формулировать учитываемый политиками запрос, берётся в расчет значительно реже. При ближайшем рассмотрении выясняется, что лица, возглавляющие общественные организации, а также способные влиять на ситуацию в профессиональной среде, придерживаются охранительной позиции, сопряженной с продлением запретов – особенно связанных с доступом к документам, отражающим деятельность советской госбезопасности. Поскольку сообществу профессиональных историков не хватает самоорганизации либо волевых качеств для того, чтобы, проявив корпоративную солидарность, объединиться перед угрозами, упраздняющими научную независимость исследователей, а либеральная риторика не гарантирует того, что использующие её деятели не прикрывают ею соучастие в гонениях, актуализируется вопрос о том, как и почему исследовательское сообщество не сумело эффективно помешать российским политикам эффективно использовать историю для осуществляемого Кремлём идеологического реванша. Сопоставление публичных деклараций с закулисными действиями известных российских историков, журналистов и общественных деятелей позволяет обозначить ряд причин, по которым историческая наука в России вновь отдаётся на откуп властям, рассматривающим эту профессию как разновидность политработы. Ряд эпизодов, свидетелем которых довелось стать автору статьи, предаётся огласке впервые, дополняя уже известные по публикациям высказывания, открыто подыгрывающих властям историков и политиков.

Ключевые слова: Арсений Рогинский, архивы, госбезопасность, люстрация, Международный Мемориал, Музей истории ГУЛАГа, радио Эхо Москвы, Федеральная служба безопасности РФ.

ДЛЯ ЧОГО РОСІЙСЬКІ ІСТОРИКИ ВІТАЮТЬ ПЕРЕСЛІДУВАННЯ КОЛЕГ ТА ПІДТРИМУЮТЬ МАСОВЕ ОБМЕЖЕННЯ ДОСТУПУ ДО АРХІВНИХ ДЖЕРЕЛ?!*

* Закінчення статті. Початок у попередньому номері журналу.

Анотація. В оцінюванні відкритості російських архівів для дослідників політичну волю влади часто сприймають як вирішальну обставину, що впливає на доступ до документів. Водночас позицію істориків, як і громадських діячів, здатних формулювати політичні запити, беруть до уваги значно рідше. За пильного вивчення з'ясовується, що особи, які очолюють громадські організації, а також здатні впливати на ситуацію в професійному середовищі, дотримуються охоронної позиції, пов'язаної з продовженням заборон, особливо доступу до документів органів радянської держбезпеки. Оскільки спільноті професійних істориків не вистачає самоорганізації чи вольових якостей для того, щоб, виявивши корпоративну солідарність, об'єднатися перед погрозами, що скасовують наукову незалежність дослідників, а ліберальна риторика не гарантує того, що діячі, які її використовують, не прикривають нею співучасть у переслідуваннях, актуалізується питання про те, як і чому наукове співтовариство не змогло ефективно перешкодити російським політикам використовувати історію з метою ідеологічного реваншу Кремля. Зіставлення публічних декларацій із закулісними діями відомих російських істориків, журналістів і громадських діячів дає змогу виокремити низку причин, за якими історична наука в Росії знову віддається на відкуп владі, що сприймає цю професію як різновид політроботи. Okремі епізоди, свідком яких довелося стати автору статті, оприлюднені вперше, доповнюючи вже відомі з публікацій висловлювання істориків і політиків, які відкрито підігравали владі.

Ключові слова: Арсеній Рогінський, архіви, держбезпека, люстрація, Міжнародний Меморіал, Музей історії ГУЛАГу, радіо Ехо Москви, Федеральна служба безпеки РФ.

WHY DO RUSSIAN HISTORIANS WELCOME THE PERSECUTION OF COLLEAGUES AND MAINTAIN MASS RESTRICTIONS ON ACCESS TO ARCHIVAL SOURCES?!*

* End of the article. Beginning in the previous issue of the journal.

Abstract. In assessing the openness of Russian archives to researchers, the political will of the authorities is often perceived as a decisive factor affecting access to documents. At the same time, the position of historians, as well as of public figures, who are able to formulate a request taken into account by politicians, is taken into account much less often. Upon closer examination, it turns out that those who lead public organizations, as well as those who are capable of influencing the situation in the professional environment, adhere to a protective position associated with the extension of bans - especially those related to access to documents reflecting the activities of the Soviet state security. Since the community of professional historians lacks self-organization or strong-willed qualities to unite in front of threats that abolish the scientific independence of researchers, and liberal rhetoric does not guarantee that those using it do not cover up complicity in persecution with it, the question of whether and how and why the research community has failed to effectively prevent Russian politicians from effectively using history for the Kremlin's ideological revenge is getting actual. Comparison of public declarations with the behind-the-scenes actions of famous Russian historians, journalists and public figures allows us to identify several reasons, according to historical science in Russia, it is again left to the mercy of the authorities, who consider this profession as a kind of political work. Some episodes, which the author of the article witnessed, are made public for the first time, supplementing the statements already known from publications that openly play into the hands of the authorities of historians and politicians.

Key words. Arseniy Roginskiy, archives, gosbezopasnost', International Memorial, lustration, Museum of the history of GULAG, radio Ekho Moskvyy, Federal Security Service of the Russian Federation.

Если в Австрии можно арестовать историка, полагающего, что в результате Холокоста погибло не 6 миллионов евреев, а заметно меньше, то почему бы в России не арестовать историка, полагающего, что во Вторую мировую войну погибло заметно больше, чем 20 миллионов советских граждан? Если в Великобритании можно спровоцировать банкротство историка, полагающего, – сколь бы странной эта версия ни выглядела, – что его стране не следовало ввязываться в войну с гитлеровской Германией ради Польши, – то почему бы в России не сделать невыносимой жизнь историка, изучающего историю РОА либо Армии Крайовой?

Не стоит думать, что книга П. Поляна не будет прочитана никем из российских идеологических работников: на принадлежащей государственной корпорации «Газпром» – умеренно (и санкционировано) либеральной радиостанции Эхо Москвы Павла Поляна, периодически появляющегося в программе «Цена Победы», её ведущий Владимир Рыжков назвал «любимым нашим экспертом» [32]. Учитывая, что биографии В. Рыжкова и его со-ведущего по этой радиопрограмме Виталия Дымарского* не дают основания подозревать их в том, что они как-либо противостоят своим образом жизни сложившейся в России номенклатурной системе, подобный комплимент и регулярный доступ П. Поляна к радиоэфиру означает, что его взгляды (сопряженные как с откровенной антипатией к независимой Украине, так и с одобрительным отношением к судебным расправам над историками) не воспринимаются идеологическим аппаратом как антисистемные.

Учитывая же, что П. Полян, много времени проводящий в Германии, имеет в этом отношении явно привилегированное, положение по сравнению со многими его российскими коллегами, которые могут легко стать заложниками репрессивной политики кремлёвских властей, сделанное им с откровенным смакованием перечисление невзгод, сыплющихся на голову тем, кого он подозревает в антисемитизме либо отклонении от принятых в еврейской среде исторических концепций, выглядит в стране, снискавшей себе дурную славу своими репрессивными традициями, как откровенное подстрекательство.

Не удовлетворившись тиражированием сомнительного западного опыта преследования тех историков, кто подвергает ревизии канонические версии событий, П. Полян в той же книге предложил учредить «авторитетный Международный Исторический Арбитраж, наподобие тех юридических судов-арбитражей, которые существуют в настоящее время в Гааге и Страсбурге» [19, с. 584]. Начавший, судя по этой сомнительной инициативе, путать задачи, стоящие перед историками и комиссарами либо прокурорами, П. Полян явно решил встать на сторону последних и продумал даже иерархическое подчинение этой квази-структуры, которая, по его мысли, должна, «существуя под двойным патронажем ООН и, например, Всемирного Союза Историков, [...] иметь в своём составе аппарат, способный в короткие сроки мобилизовать экспертные группы по самым различным историческим дисциплинам или проблемам».

Хотя П. Полян и пытается закамуфлировать инквизиторский характер его инициативы, оговариваясь, что «юстиция и уж тем более политика не вправе покушаться на компетенции и прерогативы историков» [19, с. 586], он не просто не выступает против судебного преследования историков, но и поддерживает

* Владимир Рыжков в 1991-м стал секретарём краевого комитета ВЛКСМ. В 1996-1997 гг. он являлся заместителем председателя парламентской фракции «Наш дом – Россия». Биография Виталия Дымарского в этом отношении еще более красноречива: в 1973-1983 гг. он работал редактором в журнале «Проблемы мира и социализма»; в 1983-1989 гг. – обозревателем Агентства печати «Новости», в 1989-1991-м – редактором-консультантом журнала «Коммунист»; в 1992-1999 гг. заведовал корреспондентским пунктом РИА «Новости» во Франции, в 2000-м являлся генеральным директором ГРК «Радио России», в 2001-2004 гг. – работал заместителем главного редактора «Российской газеты».

использование судебными инстанциями экспертиз, которые придуманный им Арбитраж мог бы готовить: «[...] в случае передачи обвинений в суд, его заключения могли бы послужить серьёзнейшим основанием для решений, принимаемых судебными органами».

Интересно и то, что, предлагая создать структуру, которая могла бы участвовать в судебных исках против историков, П. Полян, как только речь заходит о судебном осуждении политической системы, совершавшей массовые репрессии против собственного населения, отказывает подобному процессу в законности: «[...] идея специального международного трибунала для расследования преступления победившего в СССР коммунизма нелегитимна. Зато легитимным было бы тщательное рассмотрение этого в «Историческом арбитраже»».

Иными словами, П. Полян, допуская, что суды могут криминализировать суждения историков, защищает от подсудности этим же судам политическую систему, которая была известна как репрессиями против своих граждан, так и крайней идеологизацией исторической профессии. Следуя логике П. Поляна, можно понять, что, в его представлении, историческое исследование должно подпадать под действие законодательных актов, в то время, как репрессивная политика под эту же нормативно-правовую базу подпадать не может.

Учитывая и политический характер действий ООН, и безусловную способность этой Организации влиять на национальные законодательства, очевидно и то, что П. Полян, предлагая подчинить ей Исторический Арбитраж, по существу выступает за создание структуры, которая получит возможность на основании судебного прецедента криминализировать в разных странах неканонические или условно «крамольные» исторические исследования.

Не зная о том, какое влияние идеология имеет в России на историческую науку, П. Полян не мог. И, тем не менее, даже после того, как ФСБ сфабриковала дело Дударева/Супруна, чтобы запугать историков и архивистов, он счел возможным выступить с инициативой, в результате которой (особенно учитывая особенности сознания российской номенклатуры) количество преследуемых историков в той же России, как и других странах со слабо развитыми демократическими институтами и низкой правовой культурой лишь увеличится.

Не было секретом для П. Поляна и то, что в стране политтехнологи которой называют демократию «суверенной», резервируя за собой право менять смысл терминов на диаметрально противоположные, любой придуманный им «международный арбитраж» превратится сперва в арбитраж «суверенный», а затем и в «суверенный трибунал».

Тот идеологический мотив, который Павел Полян включил в свой претенциозный и далёкий от объективности «Историомор», точно описал историк и культуролог Дмитрий Шушарин: «Холокост на службе кремлёвского агитпропа. Нацистский принцип коллективной ответственности украинцев, поляков, литовцев, немцев, крымских татар последовательно внедряется в массовое сознание. А русских коллаборационистов и участников массовых акций как не было. И Праведников мира среди наций, записываемых в антисемитские, тоде, и не было среди них тех, кто воевал с нацистами» [22].

Не отставая от П. Поляна, столь же неуместным псевдоправоведением позволил себе, комментируя дело Дударева/Супруна, заниматься и директор фонда «Историческая Пам'ять» Александр Дюков, который, сообщив, что он «тут почитал материалы обвинения [...] (они выложены в сеть)», захотел «напомнить, что Супрун передал немцам информацию не только о реабилитированных (что совершенно законно), но и о нереабилитированных лицах – что, собственно, и есть прямое нарушение тайны личной жизни»* [5].

* Благодарю историка Игоря Курляндского, обратившего моё внимание на этот комментарий.

Этот феноменальный «юридический анализ», не сопровождаемый ни единой ссылкой на законодательство, но зато основанный на домысливании содержания правового понятия «тайна личной жизни», вдвойне прискорбен еще и потому, что вводит аудиторию Дюкова в заблуждение относительно того, может ли информация об осуждении или же о том, что лицо не было реабилитировано, рассматриваться, как «тайна личной жизни». А Дюкову будет полезно узнать, что информация об осуждении, если какое-либо отношение и имеет, то вовсе не к «личной жизни», а к данным «о состоянии преступности», которые, согласно статье 7 Федерального закона «О государственной тайне», не могут относиться к категории секретных. На эту юридическую деталь моё внимание в своё время обратил историк Никита Петров.

Следует отметить, что всплеск этой околоархивной псевдоправозащиты совпал с тем, что не только дилетанты, называющие себя историками, но и профессионалы перестали стесняться выступать за ограничение доступа к архивным источникам.

В этом отношении показательно, что, например, на радиостанции Эхо Москвы, где программу «Цена победы» ведёт тот же журналист Виталий Дымарский, который, создав журнал «Дилетант», получил возможность влиять на то, работы каких историков становятся известны (хотя бы на уровне упоминаний) широкой аудитории, некоторое время назад прозвучало и не вызвало никаких возражений обоснование подобной запретительной практики. Работающий в схожем дилетантском журналистском жанре Артём Драбкин (составитель нескольких сборников интервью, записанных с ветеранами Великой Отечественной войны, но не подвергающихся тщательному сопоставлению с архивными документами соответствующих частей и соединений) выступил в поддержку ограничительной политики: «70 лет спустя и еще будут оставаться документы, например, чрезвычайных происшествий. Никогда вам не дадут документы в архиве чрезвычайных происшествий. Это правильно. Это сохранение, так скажем, данных личных» [31]. Уместно заметить, что А. Драбкину, берущемуся рассуждать о правовых вопросах, было бы полезно прежде, чем выступать на радиостанции, узнать, что даже в федеральном законе «О персональных данных», действие которого, к слову, не распространяется на отношения, возникающие в архивной отрасли, речь идёт о 75-летнем сроке. Что касается придуманных А. Драбкиным «личных данных», то чрезвычайные происшествия, задокументированные в армейских фондах, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) РФ, случались преимущественно при исполнении военнослужащими служебных обязанностей, а следовательно они не имеют к «личной» жизни никакого отношения.

Степень дилетантизма человека, берущегося поддерживать противоправное ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о чрезвычайных происшествиях, характеризуют и его рассуждения о том, как отличить «достоверную информацию от вымысла»: «...если мы используем документы, это мы считаем достаточно объективной информацией». Увы, такое безоглядное доверие к документу, который может отражать реальность в удобной заинтересованному должностному лицу версии, вполне закономерно для дилетанта, берущегося домысливать правовое основание для запретов.

Напоследок следует упомянуть и нежелание ряда российских историков проявлять солидарность с преследуемыми коллегами.

3 марта 2016 года, когда в «Мемориале» состоялось заседание возглавляемой С. Карагановым постоянной комиссии по исторической памяти, Историк Игорь Курляндский предложил принять постановление в поддержку живущего в Петербурге историка Кирилла Александрова, на которого началось активное давление «державно» озабоченной «общественности» после того, как он несколькими днями ранее защитил свою докторскую диссертацию, посвященную «Генералитету и офицерским кадрам вооруженных формирований Комитета

освобождения народов России 1943-1946 гг.». И. Курляндский, неоднократно выступавший как историк в качестве приглашенного эксперта на заседаниях комиссии по исторической памяти мог рассчитывать на поддержку – быть может, не всех, но ряда – присутствовавших, но тут поспешно взял слово невесть зачем приглашенный организаторами работающий в комиссарском жанре политинформации «журналист» Сергей Пархоменко*, который категорично стал тараторить, что Комиссии по исторической памяти этим заниматься не нужно, а принятие постановления в поддержку впадающего в опалу историка следует предоставить Вольному Историческому обществу (ВИО). К сожалению, его послушали, не предполагая заведомого блефа.

Спустя восемь месяцев, обратившись с соответствующим вопросом к активно участвующему в деятельности ВИО историку Константину Морозову, являющемуся, – что также не выглядит случайностью, – членом «Международного Мемориала», я с изумлением выяснил, что постановление в поддержку Кирилла Александрова Вольным Историческим обществом так и не было принято. Вместо того, чтобы ответить открытым текстом, что ВИО никак не поддержало историка, К. Морозов предоставил мне возможность самому в этом убедиться, заглянув на их сайт: «Кажется, да, но точно не помню. Посмотрите на сайте ВИО. [...] Я помню, что было по этому поводу какое-то обсуждение, но не помню, приняли ли Заявление [...]» [16].

Проверив на сайте общества, я удостоверился в том, что ВИО так и не поддержало К. Александрова; вместо этого 14 марта 2016 г. Никита Соколов, также играющий активную роль в ВИО, в ознакомительном порядке разместил на их сайте «Заявление научного совета Санкт-Петербургского союза ученых».

Оставалось лишь выяснить у Константина Морозова, состоит ли Сергей Пархоменко в Вольном Историческом обществе и уполномочен ли он делать какие-либо заявления в интересах ВИО на заседаниях других организаций. На этот неудобный вопрос К. Морозов отвечать не стал.

Из этого случая следует лишь одно: Сергей Пархоменко воспрепятствовал тому, чтобы функционирующая при президентском совете по правам человека постоянная комиссия по исторической памяти приняла бы какое-либо обращение в поддержку профессионального историка Кирилла Александрова. Понимал ли С. Пархоменко, лоббируя интересы Вольного Исторического общества, что одно другому никак не мешало, и будь К. Александрову оказана поддержка не только ВИО, но и Комиссией, это лишь помогло бы подвергающемуся моральному и административному давлению историку, – задаваясь этим вопросом, не будем представлять себе Сергея Пархоменко человеком недалёким: он наверняка всё прекрасно понимал. Отдавал ли он себе отчет в том, что он не может гарантировать принятия Вольным Историческим обществом какого-либо заявления в поддержку Александрова, – тоже вопрос риторический. Все перечисленные обстоятельства дают полные основания требовать от Вольного Исторического общества разъяснений по этому поводу.

Остаётся поинтересоваться, обладал ли в таком случае журналист С. Пархоменко, не имеющий к историко-архивному сообществу никакого отношения, право препятствовать тому, чтобы Комиссия по исторической памяти

*К тому моменту С. Пархоменко, ни дня прежде не занимавшийся ни изучением массовых репрессий, ни, шире, – исследованием 1930-х гг., неожиданно возглавил при помощи А. Рогинского проект «Последний адрес». Проект был связанный с установкой памятных табличек на стенах домов, где жили репрессированные граждане СССР, причем это начинание с ходу вызвало справедливую критику, в частности, потому, что политически мотивированные создатели проекта выбрали в качестве якобы справедливого критерия, был ли человек в дальнейшем реабилитирован той же системой, которая его ранее репрессировала. То, что этот критерий направлен, таким образом, на реабилитацию системы, никого из его сторонников не смущает.

без его назойливого вмешательства и непрошенных подсказок самостоятельно приняла решение о том, поддерживать ли ей К. Александрова.

Этот случай наглядно демонстрирует, что российские историки зачастую не только не готовы препятствовать вмешательству дилетантов, но и допускают их в свои ряды, закрывая глаза на тот вред, который ими наносится профессиональному научному сообществу.

Удобной отвлекающей темой для новых российских политработников стала так называемая «историческая память», позволяющая подменять изучение событий разглагольствованиями о том, какое представление о них распространено спустя 70 или 170 лет среди бабушек и студентов. То, что к этому направлению прониклись симпатией филологи и так называемые культурные антропологи, получившие возможность почувствовать себя «немного историками», удивления не вызывает. Куда больше настораживает, что говорильню об исторической памяти поощряет тот же «Мемориал», сотрудники которого не стесняются участвовать в одних мероприятиях с такими персонажами, как Николай Эппле, представляющий себя как филолога и... философа. В 2020-м году этот филологический философ (философствующий филолог?) опубликовал книгу «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах», которую редактировал экономический (!) обозреватель Борис Грозовский. Отклик же, процитированный на обложке, написала политолог (!) Екатерина Шульман. Еще до того, как книга появилась на прилавках, российские либеральные СМИ, как по команде, приступили к её популяризации, публикуя отдельные главы либо же интервью с философствующим филологом.

Некоторые причины, по которым Е. Шульман, не только ведущая программу на принадлежащей Газпрому радиостанции Эхо Москвы, но и являющаяся доцентом Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте (!) Российской Федерации (РАНХиГС), взялась, не являясь историком, за популяризацию книги Н. Эппле, она сама озвучила, беседуя с ним в эфире: «[...] в чем своевременность книги, которую мы обсуждаем. [...] Её ценность еще и в том, что она действительно позволяет уйти от черно-белого моралистического дискурса, который приводит нас к требованиям тотальных покаяний, каковые нереалистичны по своей природе. «Вот пока все хорошие люди не убьют всех плохих людей, не настанет ничего хорошего», – это тезис, который произносящего ставит на белую табуреточку [...], а всех слушающих страшно раздражает. Когда людям начинают навязывать вину да еще и коллективную вину, которая вообще – фашизоидная концепция, то они совершенно справедливо испытывают отторжение и отвращение и говорят: «Отстаньте от меня со своей виноватостью. Значит, вас волнует – вы себя и виноватые, а ко мне не лезьте». Книга Николая проводит различие между виной и ответственностью, что, по-моему, ужасно важно. Вина – это то, что тебе приносят и на голову тебе высыпают, а ответственность – это то, что взрослый человек берёт на себя сам. Вина побуждает к испытыванию токсичных всяких чувств стыда и она обездвиживает. Человек, который чувствует вину, он ничего не делает. Он сидит такой несчастный и ненавидит сам себя и чувствует, что он не имеет права на существование. Ответственность побуждает к действию. Человек, который взял на себя ответственность, в связи с этим будет что-то делать» [15].

Из этой пространной цитаты видно, что Е. Шульман занимается типичным для подобных псевдодемократов интеллектуальным напёрсточничеством, одновременно воспроизводя удобный Кремлю подход к историческим исследованиям. Не подкрепляя этих тезисов, она объявляет «моралистический дискурс» в отношении к тому же ленинскому либо сталинскому периодам (включая тему массовых репрессий) черно-белым. Выдумывая «требования тотальных покаяний», Е. Шульман вторит одному из несоветских ревизионистов Юрию Жукову, озаглавившему одну из своих книг – «Гордиться, а не каяться. Правда о

сталинской эпохе» [6]. Тем, кто полагает покаяние за грехи полезным, она приписывает желание провести массовые репрессии, попутно зачисляя их скопом в фашисты, то есть воспроизводя тот же пропагандистский приём, который используют российские СМИ, объявляя фашистами украинцев. И вслед за Н. Эппле Е. Шульман противопоставляет вину ответственности. Хотя у вменяемого человека чувство ответственности не просто не противоречит осознанию вины, но позволяет видеть взаимосвязь между этими понятиями, современная российская политработница Е. Шульман, вторя комиссару Н. Эппле, проявляет неожиданную заботу о том, чтобы жители той же России, войска которой находятся на территории нескольких бывших советских республик, включая Армению, Азербайджан, Грузию и Украину, не испытывали бы никакой вины. С какой стати общество, не осознающее никакой вины, должно испытывать некую ответственность, Е. Шульман не поясняет. Она де-факто оправдывает режим и систему, поскольку, если нет повода каяться, то, следовательно, и нет состава преступления, а соответственно и лиц, учреждений либо системы, его совершавших. Следовательно и российские власти, объявившие себя правопреемниками СССР, наследуют всё, что угодно (включая территории), но не политическую ответственность за отождествление себя с системой, долгое время не проявлявшей большого гуманизма по отношению к собственному населению.

Зато вслед за российскими имперцами Е. Шульман воспроизводит тезис о том, что общество, осознающее вину (то есть причастность к преступлениям режима) оказывается якобы недееспособно и проявляет суицидальные наклонности. Что же касается того, как почувствовавшие «ответственность» жители РФ «будут что-то делать», то всерьёз комментировать эти патетические фантазии о гражданской активности в условиях путинского режима, не соучаствуя в обмане аудитории, сложно. Учитывая, что на радиостанции Эхо Москвы, где Е. Шульман ведёт часовую (!) программу «Статус», советские идеологические работники (начинавшие, подобно Сергею Бунтману, карьеру во французской службе советского Иновещания [4]) соседствуют с кадровыми сотрудниками КГБ (например, Юрием Кобаладзе) и кгбшными осведомителями (вроде «рок-критика» Артемия Троицкого*), любые идеологически окрашенные спекуляции этой сотрудницы РАНХиГС должны восприниматься как санкционированные на уровне лиц, курирующих это имеющее большую аудиторию российское СМИ.

В этом свете едва ли случайно, что в рекламировании книги приняла участие и журналистка (а по совместительству самоназначенная «правозащитница») Зоя Светова, специализирующаяся на отбеливании репутации бывших кадровых сотрудников госбезопасности либо людей, оказывающих уже в наше время услуги ФСБ. Об этой странной особенности некоторых статей З. Световой не один раз писал диссидент Александр Подрабинек [17; 18]. Именно она приняла участие в сочинении альтернативной биографии адвокату И. Павлову, подыгравшему в 2011-м гособвинению, за спиной которого маячила ФСБ, добиться обвинительного решения на запугавшем российских архивистов судебном процессе Дударева/Супруна [28, с. 11-15].

Причина, по которой «философ» Н. Эппле оказался столь востребован, заключается в его политических установках, удобных российским властям, позиционирующим себя как правопреемники не только российского императорского дома, но и советской номенклатуры: «Ответом на денацификацию стала достаточно дальновидная политика Аденауэра, который решил сначала

* Отец Артемия Троицкого Кива Майданек работал в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». У самого же Троицкого среди рок-музыкантов сложилась репутация осведомителя, укрепившаяся после того, как в 1987-м он подписал коллективный донос на людей, выступавших против того, чтобы музыканты вступали в рок-лабораторию, которая курировалась КГБ. Этот донос был опубликован сначала в самиздате, а затем в справочнике об околмузыкальном самиздате [7, с. 248-249].

объединить немецкое общество вокруг целей строительства новой жизни, вылечить его от состояния обиды и лишь затем осторожно начинать ставить вопросы о недавнем прошлом так, чтобы это не выглядело выполнением задания внешних сил. Именно поэтому я очень не люблю разговоры о необходимости «Нюрнберга» над советским режимом. Об этом говорят, подразумевая позицию внешней силы, судящей чужие преступления» [33].

В переводе на современный язык российских политтехнологов озвученный Н. Эппле подход означает, что ни при каких обстоятельствах не следует возлагать ответственность на режим, власть или систему. Столь же политически конъюнктурными являются и его инсинуации, согласно которым «о необходимости «Нюрнберга» над советским режимом» говорили якобы только с «позиции внешней силы» либо выполняя «задание внешних сил». По существу, Н. Эппле сервильно воспроизвёл пропагандистскую установку кремлёвских властей, сводящуюся к тому, что давать правовую оценку преступлениям советского режима могут лишь агенты влияния либо прямые представители зарубежных стран.

Учитывая, что чудесно обретенный российскими СМИ новоявленный «исследователь политики обращения с трудным прошлым» Н. Эппле, являющийся кем угодно, только не историком, столь открыто выступает в либеральных СМИ с охранительных позиций, неудивительно, что еще в марте 2020-го, то есть за полгода до выхода его книги, он принял участие в прошедшем на телеканале «Дождь» часовом эфире, посвященном делу петрозаводского исследователя Юрия Дмитриева. Мотивы, побудившие редакторов «Дождя» пригласить рассуждать о «деле Дмитриева» писательницу Людмилу Улицкую и философского филолога Н. Эппле, а не историков и археологов, которые куда лучше могут оценить и работу подвергнувшегося преследованию исследователя, и её качественную сторону, связана, как можно предположить, именно с конъюнктурностью выше названных лиц. Поэтому едва ли случайно, что никто из них не отказался от участия в телепрограмме, хотя они не могли не понимать, что тратят драгоценное эфирное время попусту, рассуждая о вопросах, в которых не разбираются, тем самым лишая того же Ю. Дмитриева надежды на то, что о его работе расскажут люди, хорошо понимающие её специфику в силу собственного профессионального опыта.

Что касается Л. Улицкой, то едва ли случайно, что участвующий теперь в оппозиционном политическом движении 13-й чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров именно высказываниями этой писательницы проиллюстрировал своё наблюдение о том, что «сегодняшняя российская интеллигенция в своей массе представляет собой кучку трусливых людей, жмущихся к чекистскому сапогу. Российская интеллигенция не только не стала центром противостояния диктатуре, а напротив, стала одной из ключевых опор путинизма» [8].

В целом, ситуация, при которой даже условно оппозиционный телеканал предпочитает иметь дело с литератором и филологом, а не с историком и археологом, вписывается в типичную и поощряемую тем же руководством головного «Мемориала» тенденцию, сводящуюся к замещению историков всевозможными политработниками, включая разглагольствующих об «исторической памяти».

Отдельного упоминания заслуживает и то, как «статусная» идеологическая услуга препятствует публичному обсуждению опасных для профессионального историко-архивного сообщества вопросов, включающих, в том числе, и двусмысленные действия иных «коллег».

Так, сотрудники расположенного в Москве Музея Истории ГУЛАГа уничтожили видеозапись лекции о преследовании преимущественно российских историков, прочитанной мной, по договорённости с фондом V-A-C, 21 декабря 2016 г. Поскольку фонд арендовал у музея зал для проведения нескольких лекций, видеозапись каждой из них осуществляли сотрудники музея ГУЛАГа. Далее запись передавалась представителям фонда, которые в свою очередь размещали её в

youtube. Однако видеозапись именно моей лекции, в которой я достаточно подробно рассказывал о деле Дударева/Супруна, сотрудники Музея ГУЛАГа передавать фонду V-A-C не стали.

Когда я предпринял попытку выяснить, что стало с видеозаписью, являющийся, несмотря на то, что историком его ни при каких обстоятельствах назвать нельзя, а по образованию он – психолог, директором Музея Роман Романов сперва отмалчивался в течение месяца*, а затем поручил вести переписку своей сотруднице Ирине Неустроевой, представившейся «хранителем видеоматериалов студии Музея истории ГУЛАГа».

Подтвердив, что «монтаж и публикацию лекций», прочитанных для «проекта «Процессы» осуществлял фонд V-A-C», И. Неустроева никак не смогла вразумительно объяснить причины, по которым запись именно моего выступления фонду передана так и не была: «Музей не проконтролировал, была ли запись получена фондом, а фонд V-A-C не забрал у Музея запись. Где-то через год исходник был удалён мной, так как тогда я осуществляла чистку сервера для профилактики».

Едва ли случайно сотрудникам Музея не пришло в голову заархивировать запись лекции (например, загрузив на каком-то сервере, с которого я сумел бы себе её переписать) либо же выйти со мной на связь и поинтересоваться, нужен ли мне дубль как человеку, эту лекцию прочитавшему. И. Неустроева объяснила эту странную нерасторопность тем, что «исходник каждой лекции мог весить около 50–60 гигабайт», что якобы «не позволяло загрузить её на облачные сервисы», а потому «исходники передавались оффлайн». Почему запись только моей лекции, посвященной преследованию историков, а не событиям 1930-х гг., не была передана представителям фонда «оффлайн», И. Неустроева вразумительно не ответила, предположив (!), что этому воспрепятствовали «временные и ресурсные обстоятельства».

Подтвердив, что запись моей «лекции вели сотрудники Музея, но инициатором записи выступал Фонд», сотрудница Музея дала понять, что де-юре правообладателями видео был именно V-A-C Foundation. Хотя, по словам Неустроевой, недоразумение возникло всего-навсего из-за того, что «в какой-то момент синхронизация передачи» видеозаписей «сбилась», она так и не сумела объяснить, почему эта проблема возникла только применительно к лекции, касавшейся современного судебного процесса, оказавшегося прецедентным для историко-архивного сообщества.

Все отговорки, связанные с большим весом записи («исходник лекции весил достаточно много»), не выдерживали никакой критики, поскольку схожее обстоятельство не помешало сотрудникам Музея ГУЛАГа передать фонду V-A-C для последующего размещения на youtube видео других лекций, прочитанных в тот же период, благодаря чему в сети появились записи выступлений Ирины Флиге (2 декабря 2016 г. – хронометраж 1:40:53), Виктора Звягина (7 декабря 2016 г. – 1:25:23), Франческо Себрегонди (7 декабря 2016 г. – 1:25:23), Кристианы Делаж (21 апреля 2017 г. – 1:45:56), Олега Аронсона (5 апреля 2017 г. – 1:23:36) и дискуссий Александра Гурьянова и Кирилла Коротева (13 декабря 2016 г. – 1:47:26), Никиты Петрова и Кирилла Коротева (18 апреля 2017 г. – 1:31:32), Фёдора Романенко и Романа Романова (8 февраля 2017 г. – 1:31:53) и Михаила Толмачева, Иры Ролдугиной и Катерины Чучалиной (октябрь 2016 г. – 2:18:29). Даже сопоставление дат демонстрирует, что лекция о преследовании историков была прочитана мной в те же дни, что и лекции, записи которых были Музеем ГУЛАГа

* Первое письмо от 30 января 2019 г. Р. Романов оставил без ответа и лишь после повторного обращения от 28 февраля, в котором я выразил готовность привести его в чувство, директор музея 1 марта 2019 г. ответил, что разберётся в ситуации. Однако последующие два месяца он отмалчивался. И лишь после того, как 1 мая 2019 г. я послал третье письмо, И. Неустроева тотчас ответила мне. Таким образом, сотрудникам музея ГУЛАГа потребовалось три (!) месяца на то, чтобы сообщить мне, что видеозапись моей лекции была ими уничтожена.

охотно переданы фонду; более того, моя лекция не была ни первой, ни последней в этом цикле, поэтому какое-то исключение представлять не могла. Словно бы не понимая, что прочитанная мной лекция является интеллектуальной собственностью как моей, так и фонда V-A-C, пригласившего меня её прочитать, всё та же сотрудница музея ГУЛАГа изумлённо поинтересовалась у меня в письме от 13 сентября 2019 г.: «Прошу уточнить, почему вас так беспокоят материалы вашей лекции».

Этот эпизод наглядно показывает, что нажить себе врагов среди хорошо институционализированного и связанного с властями околонучного бомонда, современные российские идеологические работники, – а именно таковыми являются директор Музея ГУЛАГа и его подчинённые, – опасаются куда больше, чем оказаться среди тех, кого гонения, подобные описанным мной в лекции, могут коснуться. Фактически тот же Р. Романов вместе с И. Неустроевой продемонстрировали, уничтожив видеозапись лекции, что считают нецелесообразным распространение информации, значимой для профессионального историко-архивного сообщества, и, следовательно, препятствуют организации действенного информационного сопротивления гонениям на коллег. Другое дело, что, судя по их реакции на мою лекцию, коллегами историкам неуместно боязливое руководство Музея ГУЛАГа себя и не считает.

30 ноября 2012 г. в конференц-зале международного общества «Мемориал» прошел малочисленный семинар, в котором, помимо организаторов, включая и руководителя московского представительства фонда Бёлля Йенца Зигерта, участвовали несколько юристов, историков и архивистов из Белоруссии, Грузии и Украины, а также их российские коллеги. В обеденное время Йенц Зигерт поместил на личной странице в facebook немецкоязычный пост [34] о присутствии по меньшей мере двух сотрудников ФСБ в конференц-зале: «30 участников и участниц – в том числе из архивной службы российской спецслужбы – ФСБ. Коллеги молчат, но они хлопают в ладоши и улыбаются. Им это разрешено?»*.

Являлись ли сотрудники ФСБ именно архивистами, судить не берусь: никто из них ни во время утренних выступлений, ни вечером никак не принял участия в обсуждении звучащих докладов, несмотря на то, что семинар длился несколько часов и был разделён на два заседания, перемежавшихся обедом.

Уже глубоким вечером, когда семинар завершился, и его участники собрались на небольшом фуршете, всё тот же председатель правления международного «Мемориала» Арсений Рогинский, председательствовавший на прошедшем мероприятии, словно бы между прочим сообщил стоявшим рядом гостям, что две женщины, сидевшие на семинаре за круглым столом, являются юристами из ФСБ. Для де-факто руководителя минского «Мемориала» Игоря Кузнецова**, руководителя Украинской Хельсинкской Группы Евгена Захарова (Харьков), как и для присутствовавшего в качестве слушателя Сергея Кривенко (Москва)***, а также для меня, делавшего на вечернем заседании небольшой доклад и случайно услышавшего фразу А. Рогинского с расстояния в несколько метров, эта новость стала абсолютно неожиданной, хотя читавшееся в этот момент на лице С. Кривенко выражение можно было описать известным высказыванием председателя правительства Российской Федерации В. Черномырдина «Никогда такого не было, и вот опять».

* Сомневающиеся в корректности перевода могут самостоятельно перевести фразу: “30 TeilnehmerInnen, darunter auch vom Archivdienst des russischen Geheimdienst FSB. Die KollegInnen schweigen, aber sie klatschen und lächeln. Dürfen sie das?”

** Как поясняет в интервью сам И. Кузнецов, к тому моменту им не удалось официально зарегистрироваться в Белоруссии, поэтому он считался сотрудником международного «Мемориала», живущим и работающим в этой стране [11].

*** Е. Захаров и С. Кривенко являются членами правления международного «Мемориала».

Судя по их реакции, никого из докладчиков не сочли нужным предупредить, что их будут слушать представители ФСБ, а потому они должны продумать, следует ли скорректировать свои выступления, если сочтут, что какую-то информацию или инициативы в присутствии фсбэшников лучше не озвучивать. Поскольку на утреннее заседание я опоздал минут на 15, то допускал мысль, что юристов ФСБ могли представить в самом начале семинара, когда перечислялись его участники, однако заметное невооруженным взглядом удивление, выказанное вечером Е. Захаровым и другими стоявшими рядом с А. Рогинским гостями, даёт основания полагать, что при открытии семинара никто из организаторов не счел нужным представить сотрудников ФСБ докладчикам и аудитории. По крайней мере, я о присутствии сотрудников ФСБ предупрежден не был.

К тому моменту уже было известно, что еще 18 октября 2011 г. Российская федерация подписала с несколькими странами СНГ (Арменией, Белоруссией, Таджикистаном и Узбекистаном) договор, согласно которому их архивные инстанции не должны рассекречивать документы советского времени, не согласовав предварительно своё решение с другими участниками этого соглашения. Благодаря этому обязательству, Россия получила возможность налагать вето на поступление архивных советских материалов из 4-х бывших республик СССР в научный оборот.

Поскольку доклад я делал об архивах Азербайджана и Грузии, не подписавших этого соглашения, то, зная заранее, что содержание моего выступления станет известно представителям ФСБ, я особо тщательно продумал бы, какую информацию озвучивать на семинаре, дабы не ввести Лубянку в соблазн включить эти сведения в какую-нибудь докладную записку, из-за которой торгом по архивному вопросу может быть пополнен перечень проблем, затрагиваемых в ходе дипломатических переговоров Москвы с Баку или Тбилиси. Даже если бы до этого не дошло, оказываться невольным информатором ФСБ, делящимся информацией об архивах, в мои планы не входило. Думаю, что и те из выступавших, кто не только говорил об архивной практике, но и перечислял способы, позволяющие добиваться доступа к пока что малодоступным или вовсе недоступным фондам, тоже предпочли бы знать заранее, что их рекомендации могут быть услышаны представителями ФСБ, то есть той структуры, сопротивление которой они ищут и находят возможности преодолевать. По крайней мере, озвучивать какие-то know-how и алгоритмы возможных действий было бы разумнее, не информируя при этом сторону, способную укрепить оборону на соответствующем направлении, где нами, исследователями, планируется юридический «удар».

Хотя узнать, кто же пригласил юристов ФСБ на закрытый семинар, на котором будут выступать участники судебных тяжб за доступ к архивной информации, невозможно, ответ на вопрос, как информация о предстоящем обсуждении чувствительной для российской госбезопасности проблемы доступа к архивным фондам, дошла до этой спецслужбы, лежит на поверхности. А. Рогинский в частном разговоре со мной не скрывал, что к нему в «Мемориал» периодически заходят «на чашку кофе сотрудники ФСБ». Эту откровенность А. Рогинского легко объяснить его уверенностью в том, что даже куда более безобидные для репутации как его, так и «Мемориала» свидетельства не возьмётся публиковать ни одно российское СМИ: государственные – чтобы не дезавуировать сотрудничающих с властями агентов влияния, условно «либеральные» же – дабы не подорвать доверие к организации с якобы демократической репутацией.

Формально у А. Рогинского со свитой было алиби: семинар был анонсирован в социальной сети – возможно, намеренно для того, чтобы всегда можно было отречься от неформальных контактов с компетентными органами, сославшись на то, что сотрудники ФСБ могли прийти по собственной инициативе, увидев объявление. Вместе с тем, я не заметил в зале ни одного постороннего лица, за исключением недолго присутствовавшей дамы.

Приведённые примеры демонстрируют, что против интересов научного сообщества действует неожиданный альянс из охранительски ориентированных идеологических работников, спецслужбистов и чиновников, а также умело маскирующих свою действительную позицию либеральной риторикой общественных деятелей, включая как руководителей некоммерческих организаций, так и людей, создавших себе (не всегда заслуженно) имидж историков. Имея возможность осуществлять ложное представительство общественных интересов, они способны, придерживаясь охранительской позиции, наносить интересам исследовательского сообщества существенный ущерб.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсений Рогинский: «Главное – это, наконец, донести правду о Катыни до российского народа». Права человека в России. Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hro.org/node/7919>
2. Арсений Рогинский о молчании историка (со ссылкой на Polit.Ua, 3 августа 2012 г.). [Электронный ресурс:]. Режим доступа: <http://www.polit.ua/articles/2012/08/03/roginskiy.html> <http://old.memo.ru/d/124360.html>
3. В посольстве Польши прошёл вечер памяти Арсения Рогинского. 5 июня 2018 г. Международное общество «Мемориал». Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/intermemorial/news/149>
4. Ганапольский М. Свободное радио для свободных людей. Радиостанция «Эхо Москвы». Матвей Ганапольский. Блог. 21 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/ganapolsky/1607534-echo/>
5. Дюков А. О деле Супруна: заметки на полях. Записные книжки историка. 16 декабря 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://a-dyukov.livejournal.com/1062520.html>
6. Жуков Ю. Гордиться, а не каяться. Правда о сталинской эпохе. Москва: Эксмо, Яуза, 2011. 265 с.
7. Золотое подполье. Полная иллюстрированная энциклопедия рок-самиздата. Сост.: Волков А., Гурьев С. Нижний Новгород: Изд-во «Деком», 1994. 368 с. (С. 248-249.)
8. Каспаров Г. Белорусский синдром российского интеллигента. 14 сентября 2020 г. Страница Гарри Каспарова. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/KasparovHome/posts/3387376254618305>
9. Комментарии к посту «Клюква от Радзинского. Продолжение. «Он подвёл нас под удар». 5 декабря 2018 г. Страница Alexander Podrabinek. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/alexander.podrabinek/posts/1940518529399832>
10. Комментарии к посту «Клюква от Радзинского. Продолжение. «Он подвёл нас под удар». 10 декабря 2018 г. Страница Alexander Podrabinek. Facebook. Режим доступа: https://www.facebook.com/alexander.podrabinek/posts/1940518529399832?comment_id=1940710809380604&reply_comment_id=1940749936043358
11. Корни белорусской политики. Кузнецов: история повторяется. Telegraf.by. 27 октября 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telegraf.by/in-belarus/korni-belorusskoi-politiki-kuznecov-istoriya-povtoryaetsya/>
12. Львов В. Катынь: Владимир Путин и Дональд Туск почтили память погибших. 7 апреля 2010 г. Русская служба Голос Америки. Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.golos-ameriki.ru/a/poland_katyn_2010_04_07-90128672/184041.html
13. Мартин Б., Свешников А. Исторический сборник «Память». Исследования и материалы. Москва: Изд-во «НЛО», 2017. 400 с.
14. Нелюбин Н. ФСБ отзеркалила польского историка. Новости Санкт-Петербурга. 2017. 27 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://piter-news.net/society/2017/11/27/118163.html>
15. Неудобное прошлое. Обсуждение с автором Николаем Эппле и Ириной Прохоровой. Эфир от 7 ноября 2020 г. Радио «Говорит Москва» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=X_iLkANw10M
16. Обмен репликами от 8 ноября 2016 г. Страница Георгия Рамазашвили. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/ramazashvili.georgiy>
17. Подрабинек А. Некрасивая история и чекистское прошлое оппозиционера Гудкова. Контурсы. 30 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://kontury.info/publ/politika/nekrasivaja_istorija_i_chekistskoe_proshloe_oppozicionera_gudkova/5-1-0-123

18. Подрабинек А. Безнравственный протест. Радио Свобода. Сайт. 14 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28425662.html>

19. Полян П. Историомор, или Трепанация памяти. Москва: АСТ, 2016. 624 с.

20. Пост от 18 ноября 2018 г. Страница Нины Брагинской. Facebook. Режим доступа: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1955565137860016&id=100002196452403

21. Пост от 19 декабря 2017 г. Страница Константина Морозова. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/konstantin.morozov.7/posts/1882017125156303>

22. Пост от 1 июля 2018 г. Страница Дмитрия Шушарина. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/dshush/posts/2087554137939457>

23. Перепост от 18 ноября 2018 г. Страница Александра Черкасова. Facebook. Режим доступа:

24. Рамазашвили Г. Дело Дударева-Супруна: истоки, судебные перспективы и последствия. Индекс. Досье на цензуру. № 30, 2009. С. 103-131. [Dudarev/Suprun Case: origines, perspectives of the trial and conséquences// Index. Dosye na Tsenzuru (Russian version of Index On Censorship). #30, 2009. P. 103-131.]

25. Рамазашвили Г. Опасный прецедент. О роли адвокатов в исходе одного историко-архивного дела. Свободная мысль. №3/4 (1632), 2012. С. 81-93. [Dangerous Precedent: About the role of lawyers in the outcome of one historical-archival trial// Svobodnaya Mysl'. #3/4 (1632), 2012. P. 81-93.]

26. Рамазашвили Г. Кто и зачем ограничивает доступ к архивным фондам? (К итогам одного судебного дела)// Новое Литературное Обозрение. №6 (118), 2012. С. 429-440. Who and for what restricts an access to archival funds// NLO #6(118), 2012. P. 429-440.

27. Ramazashvili G. The Dudarev-Suprun case between the letter and the spirit of Russian legislation: the repressive use of the departmental order of the Ministry of Culture, Ministry of Internal Affairs and Federal Security Service № 375/584/352. (Translation: Ben Hooson)// Process. Part 2: Hearing. 12.2016. P. 11-15.

28. Рамазашвили Г. Дело Дударева-Супруна между буквой и смыслом российского законодательства: репрессивное использование ведомственного приказа Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ № 375/584/352.// Процессы (часть 2). 12.2016. С. 11-15.

29. Рамазашвили Г.Р. Историк Михаил Супрун против Российской Федерации: отголоски историко-архивного процесса и анализ правовых аргументов, представленных в Европейский Суд по Правам Человека. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1(3) С. 279-313.

30. Рыцарь против ФСБ. Как адвокат Иван Павлов защищает людей, обвиненных в госизмене. Репортаж Даниила Туровского. Медуда. Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/12/01/rytsar-protiv-fsb>

31. Телехранитель. Выпуск «Телевидение о великой войне». Эфир от 11 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/tv/1316922-echo/>

32. Цена победы. Полян П., Дымарский В., Рыжков В. Эфир от 24 декабря 2016 г. Радиостанция «Эхо Москвы». Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/victory/1897524-echo/>

33. Я не люблю разговоры о новом Нюрнберге. Автор книги «Неудобное прошлое» Николай Эппле – о проработке исторических травм. Сноб. 31 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://snob.ru/entry/197157/>

34. Post 30.11.2012. Page Jens Siegert. Facebook. Режим доступа: <https://www.facebook.com/jens.siegert/posts/4025568597369>

REFERENCES

1. Martin, B., Sveshnicov, A. (2017). *Istoricheskiy sbornik "Pamyat"*. *Issledovaniya i materially*. [Historical almanac "Memory". Researches and materials] Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye. [In Russian].

2. Polyani P. (2016). *Istoriomor, ili Trepanatsia pamyati*. [Istoriomor or the trepanation of a memory] Moscow: AST. [In Russian].

3. Ramazashvili, G. (2009). *Delo Dudareva-Supruna: istoki, sudebnyye perspektivy i posledstviya. Indeks* [Dudarev/Suprun Case: origins, perspectives of the trial and consequences]. *Dos'ye na tsenzuru*, 30, 103-131 [In Russian].
4. Ramazashvili, G. (2012). *Opasnyy pretsedent. O roli advokatov v iskhode odnogo istoriko-arkhivnogo dela* [Dangerous Precedent: About the role of lawyers in the outcome of one historical-archival trial]. *Svobodnaya Mysl'*, 3/4 (1632), 81-93 [in Russian].
5. Ramazashvili, G. (2012). *Kto i zachem ogranichivayet dostup k arkhivnym fondam? (K itogam odnogo sudebnogo dela)* [Who and for what restricts an access to archival funds]. *Novoye Literaturnoye Obozreniye*, 6(118), 429-440 [in Russian].
6. Ramazashvili, G. (2016). *The Dudarev-Suprun case between the letter and the spirit of Russian legislation: the repressive use of the departmental order of the Ministry of Culture, Ministry of Internal Affairs and Federal Security Service № 375/584/352*. (Translation: Ben Hooson). *Process. Part 2. Hearing*, 12, 11-15 [in English].
7. Ramazashvili, G. R. (2016). *Istoriik Mikhail Suprun protiv Rossiyskoy Federatsii: otgoloski istoriko-arkhivnogo protsesssa i analiz pravovykh argumentov, predstavlenykh v Yevropeyskiy Sud po Pravam Cheloveka* [Historian Mikhail Suprun against the Russian Federation: echoes of the historical-archival process and analysis of legal arguments presented to the European Court of Human Rights]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Dmitry Pozharsky University Bulletin], 1(3), 279-313 [in Russian].
8. Zhukov, Yu. (2011). *Gordit'sya, a ne kayat'sya. Pravda o stalinskoy epokhe* [Be proud, not repentant. The truth about the Stalinist era]. Moscow: Eksmo, Yauza [in Russian].
9. Volkov, A., Gur'yev, S. (Ed.) (1994). *Zolotoye podpol'ye. Polnaya illyustrirovannaya entsiklopediya rok-samizdata* [Gold underground. Complete illustrated encyclopedia of rock samizdat]. Nizhniy Novgorod: Izd-vo «Dekom», 1994 [in Russian].

Надійшла до редколегії | Received 23.01.2021
Рекомендована до друку | Accepted 20.04.2021